

DOI: 10.30515/0131-6141-2019-80-2-80-87

В.П. МОСКВИН

Замена ударного [é] ударным [ó]: причины и следствия

В статье рассмотрены позиционные условия перехода [é] в [ó], причины возникновения данной фонетической трансформации, восходящей к древнерусскому языку, а также условия ее постепенного ослабления; на этой основе уточнена гипотеза А.А. Шахматова, трактующая данный переход как вид регрессивной лабиализации. Охарактеризованы и систематизированы стилистически и ортологически значимые рефлексы перехода [é] в [ó] в литературной форме современного русского национального языка и его нелитературных формах.

Ключевые слова: *литературная норма; орфоэпия; лабиализация; сингармонизм; орфоэпический вариант*

Vasilii P. Moskvín

Replacing the Stressed [é] with the Stressed [ó]: Causes and Effects

The article considers the positional conditions of the transition of [é] to [ó], the causes of this phonetic transformation, which can be traced back to the Old Russian language, as well as the conditions for its gradual weakening. On this basis, the A.A. Shakhmatov's hypothesis, interpreting this transition as a type of regressive labialization, was defined more precisely. Stylistically and orthologically significant reflexes of transition [é] to [ó] in the literary form of the modern Russian national language and its non-literary forms have been characterized and systematized.

Keywords: *literary norm; orthoepy; labialization; vowel harmony; orthoepic variant*

Ударный гласный [ó] может возникать на месте ударного гласного [é] в следующих двух позициях, указанных еще А.Х. Востоковым [1808: 3–6]¹:

1. Между мягким согласным и нулем звука в абсолютном конце слова (см. также: [Мейе 1951: 100; Никулин 1941: 32; Павлович 1977: 117]); ср.: лит. *бытиe* и неправ. *бытиё*, устар. высок. *твоe* и совр. *твоё*. Я.К. Грот формулирует следующее

¹ По этим же двум позициям распределяются примеры, приводимые М.В. Ломоносовым [Ломоносов 1952: 425].

Василий Павлович Москвин, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания

E-mail: vamoskvín@yandex.ru

ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»
пр. Ленина, д. 27, Волгоград, 400131, Россия
Volgograd State Socio-Pedagogical University
27 Lenin ave., Volgograd, 400131, Russia

Ссылка для цитирования: Москвин В.П. Замена ударного [é] ударным [ó]: причины и следствия // Русский язык в школе. – 2019. – № 2. – С. 80–87. DOI: 10.30515/0131-6141-2019-80-2-80-87.

правило: «составляя последнюю букву слова, ударяемое *e*, независимо от следующего за ним слова, обыкновенно произносится как *ě* (после шипящих *o*): *житьё, коньё, моё, всё, синё, ещё, хорошо, горячо*» [Грот 1894: 16]. Считается, что замена ударного [é] ударным [ó] в данной позиции обусловлена грамматической аналогией с именами существительными ср. рода типа *окно* и *село*, у местоимений – аналогией с местоимениями типа *то, оно* и *само* (см., например: [Иванов 1990: 184; Борковский, Кузнецов 2006: 129; Брандт 1892: 19]); эта же аналогия стоит за преобразованием лит. *дитя* → прост. *дитё*.

2. Между мягким и твердым согласным: лит. *афёра, валежник, гренадер, леска, опека, хребёт, ярем* – прост. *афёра, валёжник, гренадёр, лёска, опёка, хребёт, ярём*; лит. *местоименный, недоуменный* – неправ. *местоимённый, недоумённый*; устар. *мушкетёр, непринужденно* – совр. *мушкетёр, непринуждённо*. Какова причина замены ударного [é] ударным [ó] в этой позиции?

Согласно предположению А.А. Шахматова, «твердые согласные в общерусском праязыке были лабиализованными»,

поэтому переход [e] в [o] следует понимать «как результат ассимиляционного процесса нелабиализованной гласной переднего ряда в направлении к следующей лабиализованной согласной». Так, общеслав. *medu, leŋь* перешли в общерус. *m'edu, l'eŋь*, отсюда рус. *мёд, лён* [Шахматов 1915: 134]. Предположение А.А. Шахматова коррелирует с гипотезой А.И. Томсона, в соответствии с которой «при переходе *e* в *o* (*берёзу*) первопричиной индивидуального изменения могло быть перенесение лабиализации от последующего твердого лабиализованного согласного (органическое индивидуальное изменение)» [Томсон 1910: 258].

Строго говоря, лабиализацию согласного в данном случае следует рассматривать как обусловленную наличием перед ним губного гласного: *берё[зʲ]*². Если принять ход рассуждений А.И. Томсона (а значит, и А.А. Шахматова), то и гласный [o] должен появиться в этой словоформе также под влиянием гласного [y]: *бе[r'ó]зу*. Иными словами, речь здесь действительно должна идти о лабиальной ассимиляции гласного [e], но: 1) ассимиляции регрессивной; 2) ассимиляции дистантной; 3) ассимиляции под влиянием гласного, а не согласного³. В современном русском литературном языке дистантная лабиализация негубного гласного возможна только на правах языковой игры либо оговорки и, ввиду нормативного аканья, только под влиянием губного гласного [y]: а) прогрессивная: *Я, Вань, такую ж[у] хочу!* (В. Высоккий. Диалог у телевизора); б) регрессивная: неправ. *мукулатура, фукультет*. В окающих же диалектах роль стимулирующего звука может выполнять фонема [o], здесь дистантная лабиализация не зависит от ударения и принимает регулярный характер: так, еще Н.Н. Дурново отметил, что «в некоторых говорах *e* может переходить в *o* в предударных слогах, ассимилируясь гласной *o* следующего слога: *бёрёза* (Клинск. у. Моск. губ.⁴), *дешёвой, сёрёда*,

² Иными словами, «в позиции перед лабиализованным гласным любой согласный является лабиализованным» [Князев 2006: 36].

³ На стимулирующую роль гласного в такой фонетической трансформации указывает, характеризуя звуковой состав общеславянского праязыка, и сам А.А. Шахматов [Шахматов 1915: 63].

⁴ По наблюдениям В.И. Чернышева [1903: 47], московское аканье распространилось по торговым путям на города, но не затронуло

а «кое-где *a* переходит в *o* в предударных слогах по ассимиляции с *o* следующего слога: *сопоги, новоз, зобота, зобор, долеко, довнёхонько, пётно*» [Дурново 2000: 193]. В принципиальной возможности такого взаимодействия гласных как системного явления убеждает и типологическая аналогия с финно-угорскими языками, например марийским, где дистантная лабиализация активно действует, в частности, при освоении русских заимствований. По направлению от стимулирующего звука,ковым здесь выступает ударный гласный, она может быть: а) прогрессивной, ср. марийск. *вочко, кнопка* и рус. *бочка, кнопка*; б) регрессивной, ср. марийск. *чоконь, чоснок* и рус. *чехонь, чеснок* [Куклин 2016: 107].

Как видим, гипотеза А.И. Томсона, а значит, и восходящая к ней концепция А.А. Шахматова вызывают вопросы. В этой связи высказывается мнение, согласно которому: 1) теория А.А. Шахматова «не является убедительной», поскольку в ней «механизм возникновения лабиализации согласных не может быть объяснен сколько-нибудь удовлетворительно»; 2) «в аргументации А.А. Шахматова наблюдается замкнутый круг: с одной стороны, некоторые фонетические изменения происходят потому, что согласные были лабиализованными, с другой — согласные были лабиализованными только потому, что иначе нельзя объяснить эти фонетические изменения» [Князев 2006: 36].

В доказательство того факта, что лабиализация гласного [e] действительно имела место уже в древнерусском языке, ученые приводят написания, которые отражают такую лабиализацию: *жонь* ‘жён’, *озора* ‘озёра’, *рубловъ* ‘рублёв’ и др.⁵ Рассмотрев эти написания с точки зрения принятого нами выше уточнения, согласно которому лабиализация гласного [e] происходит в результате дистантного регрессивного воздействия губного гласного. Роль стимулирующего гласного могли, по нашим наблюдениям, выполнять:

сельскую местность: «Поэтому Тверь, Клин акают, но кругом их, кажется, больше оканья, чем аканья». — В.М.

⁵ Нерегулярное применение таких написаний принято, вслед за А.И. Соболевским [1907: 61], объяснять отсутствием в древнерусском алфавите буквы, которая бы обозначала звук [o] после мягкого согласного.

1. Редуцированный гласный [ъ]: *яремь* → *я[r'о]мь*. Здесь представляется необходимым различать две сферы реализации данной позиционной формулы: а) живую народную речь, где лабиализация [е] в позиции перед [ъ] была возможна только до падения редуцированных (т.е. до 2-й половины XII в.); б) книжное произношение, в котором, как известно, «традиция чтения еров (т.е. букв ѣ и ъ, обозначавших редуцированные звуки. — В.М.) как [о] и [е] сохраняется еще очень долго, — по-видимому, несколько столетий», т.е. «до XV в., отчасти же это явление прослеживается еще и в XV в.» [Успенский 1997: 163–164]; ср.: [Шахматов 1915: 210–214]. В книжной речи лабиализация продолжала происходить и после падения редуцированных, что получало отражение на письме: *на сѣмь Поморьи* ‘на сѣм Поморье’ (Новг. грамота, 1392), *за моромь, рубловь*⁶ (Двинск. грамоты, XIV–XV вв.), *яромь* ‘ярём’ (Новг. Пролог, 1356) [Соболевский 1907: 59–62]. Если не принять во внимание тот факт, что в книжном произношении еры сохранились и после падения редуцированных, то придется признать, что: а) переход [е > о] происходил «вплоть до падения редуцированных» [Кудрявцев 1985: 120]; б) «изменения древнерусской гласной фонемы <е> могут быть представлены как обусловленные в разные периоды развития языка сначала регрессивным влиянием гласного следующего слога, а затем (т.е. после падения редуцированных. — В.М.) регрессивным воздействием *последующего согласного* (курсив наш. — В.М.)» [Куруленок 2011: 22 и 23], что, как показано выше, не отвечает реальности.

2. Гласный полного образования [о]. Такое произношение отражают следующие написания: а) *нашого, чолом* (Западно-русские грамоты XIV–XV вв.) вм. *нашего, челом* [Соболевский 1907: 59–62]; б) *сербро* ‘серебро’, ср.: «взьмь **сербро** то же даи бобръ а да[и] **сербро** захарь» (Новг. грамота, 30-е — 60-е гг. XIII в.) [Янин, Зализняк, Гиппиус 2004: 195].

Сначала лабиализация [е] происходила только после исконно мягких согласных: *человѣкъ* → *ч[о]ловѣкъ*. Такое произношение отражалось на письме уже в текстах, «хронологически относящихся

к эпохе до активного процесса падения редуцированных» [Горшкова 1972: 77]. А.И. Соболевский приводит следующие примеры: *сѣкажомь, блажонь, моужомь, бывшиомь, хытрьцомь, държащомь* (Слово Ипполита об Антихристе, XII в.); *чоловька* (Изборник Святослава, 1073 г.)⁷. В связи с этим фактом трудно принять типовое утверждение о том, что переход [е] в [о] начался лишь «после падения редуцированных (конец 12-го — начало 13-го веков)» [Блатна 1985: 31]; ср.: [Иванов 1990: 185; Сидоров 1966: 4].

Считается, что характерной чертой фонетики древнерусского языка был межслоговой сингармонизм, т.е. гармония гласных по определенному признаку (см., например: [Колесов 2009: 79]). К межслововому сингармонизму приводила, в частности, лабиализация [е] под воздействием последующего губного гласного, что отвечает принципу экономии речевых усилий, поскольку позволяет говорящему не переключать артикуляцию с произношения негубного звука на произношение губного («о — о» вм. «е — о»); в результате такой гармонизации гласных получаем «единообразный вокализм» вместо «зигзага» [Поливанов 1923: 123]. Очевиден тот факт, что такой сингармонизм возможен только на основе оканья.

А.И. Соболевский, а за ним и другие ученые, в одном ряду с многочисленными написаниями типа *жонь* ‘жён’, *рубловь* ‘рублѣв’, *сербро*, отражающими лабиальный сингармонизм, фиксирует и единичные случаи написаний типа *жоны*, *озора* ‘озѣра’ (всего 9 из 123), отражающих аномальную в этом плане лабиализацию [Соболевский 1907: 60–62]. На наш взгляд, появление таких вариантов объясняется действием закона аналогии: *жоны* (XVI в.) — по аналогии с ассимилятивно закономерными вариантами типа *жонь* (XII в.); *озора* (XIV в.) — по аналогии

⁷ В несправедливости мнения, согласно которому написание *чоловька* является «опиской» [Соболевский 1907: 59; Борковский, Кузнецов 2006: 130], убеждают данные: 1) других текстов, ср.: «Такожь которому мѣщанину будеть которое дѣло до мѣщанина, або мѣщанскому *чоловьку* до мѣщанского *чоловька* о земленомъ дѣлѣ...» (Уставная грамота Литовского великого князя Александра городу Полоцку, 1500); 2) украинского языка, ср. *чоловик* ‘человек, муж’. Возможно, такие написания «являются отражением произношения» [Дурново 2000: 161].

⁶ Считается, что замена [е] на [о] перед флексией могла происходить и по аналогии с твердыми основами.

с вариантами типа *озоро*: по *Ловоти внити въ Илмерь озоро великое* (Повесть временных лет, нач. XII в.). В результате действия такой аналогии возникли варианты, никак не связанные с действием лабиальной гармонии: *жёны, озёра, пчёлы, сёстры, сёла* и даже *вёдра* (ср. др.-русск. и ст.-слав. *вѣдро*), *гнёзда* (ср. ст.-слав. *гнѣздо*), *звёзды* (ср. др.-русск. *звѣзда*), хотя долгий звук [ие], существовавший в русском языке вплоть до XVIII в. и обозначавшийся буквой ѣ (ять), регрессивной лабиализации, как правило, не подвергался, ср. *грѣх* и ст.-слав. *грѣхъ, человек* и др.-рус. *человѣкъ*.

Явно обобщая примеры типа *жонъ, рубловъ*, отражающие лабиальный сингармонизм, и примеры типа *жоны, озора*, возникшие под действием закона аналогии, А.А. Шахматов приходит к выводу о том, что здесь «гласная *e* переходила в *o*, однако только в положении *не перед слогом с гласной переднего ряда* (курсив наш. — В.М.)» [Шахматов 1915: 63], т.е. перед гласными [а], [о], [у], [ы]. Сторонники этой концепции также утверждают, что «фонема <е> ...перед гласным непереднего ряда ...изменялась в [о]»: [м'едь] → [м'одь], [ж'ены] → [ж'оны] [Куруленок 2011: 22]; ср.: [Иванов 1990: 185]. Остается, однако, непонятным, как гласный [е] мог претерпеть лабиализацию и «измениться в [о]» перед гласными [а], [ы], лишенными признака лабиальности.

С тем, чтобы пояснить некоторые аномалии, назовем и охарактеризуем:

1. Позиции, в которых замена [é] на [ó] незаконномерна, однако встречается:

1.1. Между мягкими согласными: *За убежденье, залюбовь.../Иди и гибли безупречно. / Умрѣшь не даром: дело прочно, / Когда под ним струится кровь...* (Н. Некрасов. Поэт и гражданин). В слове *безупречно* звук [ó] между мягкими согласными возник под воздействием производящей лексемы *упрѣк* [Ханпира 1961: 109], подобным же образом в слове *зверѣчек* — под воздействием производящего слова *зверѣк*; под воздействием ассоциаций со словом *гололёд* возник просторечный вариант *гололёдица*. Грамматическая аналогия привела к появлению звука [ó] между мягкими согласными в формах: а) типа *зем[л'оу]* — по аналогии с формами имен с твердой основой *водою, рекою*; б) типа *на бе[р'оз']е, на кл[он']е* — по аналогии с формами *берёза, берёз, клён, клёна* [Соболевский 1907: 65; Горшкова, Хабургаев 1981: 86].

1.2. После твердого согласного. Считается, что в русском языке согласные [ж], [ш] (до XIV в.) и [ц] (до нач. XVI в.) были мягкими; этим объясняется наличие ударного гласного [ó] в позиции между в настоящее время твердыми, но в прошлом мягкими [ж], [ш] или [ц] и: а) твердым согласным: *шѣл, бережѣт, жѣг*, ср. также «камы акы **жърновъ** великъ» (Слово Ипполита об Антихристе, XII в.) и совр. *жѣрнов*; б) нулем звука: *лицо*, ср. устар. *высок. лице*: *Три раза в году весь мужеский пол должен являться пред лице Господа, Бога твоего* (Библия); *Блеснул горящим вдруг лицом, / Умытым кровию мечем, / Гоня врагов, Герой открылся* (М. Ломоносов. Ода на взятие Хотина).

2. Случаи, когда переход [é] → [ó] закономерен, однако не происходит:

2.1. Перед *ц* (*щец, отец, конец*), поскольку в период этого перехода (XII–XV вв.) данный звук сохранял мягкость.

2.2. Перед *р* в случае его смягчения по причине ассимиляции: а) прогрессивной: *четверг, зеркало, верба, коверкать, первый, верх*, ср.: *Восторг внезапный ум пленил, Ведет на верх горы высокой* (М. Ломоносов. Ода на взятие Хотина); б) прогрессивной и регрессивной: *церковь* (сейчас в этом слове действует только регрессивная ассимиляция), *смерть, червь, твердь*⁸. Такое смягчение до сих пор характерно для старомосковского произношения.

2.3. Иноязычная лексика может сохранять произношение языка-источника. В церковнославянском языке переход [é] в [ó] отсутствует, поэтому славянизмы (*вопит, бытие, житие, иноплеменный, тезоименный* и др.) произносятся через [é]. Соотношение [é] и [ó] в церковнославянских и русских коррелятах носит позиционно необусловленный характер, т.е. «не связано с позицией» [Горшкова 1972: 81] и «зачастую имеет лексикализованный характер» [Бондарко, Вербицкая 1987: 186], ср. *бытие* и *бытьё, житие* и *житьё, иноплеменный* и *племён, недоуменно* и *удивлённо, тезоименный* и *одноименный*.

Причины завершения перехода [é] в [ó] неизвестны. Специалистами указывается лишь приблизительный период его завершения: время между отвердением шипящих *ж, ш* (XIV в.) и отвердением *ц* (нач.

⁸ Лабиализация [é] не происходила «перед группой согласных, кончающейся мягкой согласной, так как согласная, находящаяся перед мягкой согласной, <...> не была также и вполне твердой» [Сидоров 1966: 139].

XVI в.). В том, что переход [е] в [о] происходил и после отвердения шипящих, убеждает наличие таких слов, как *ёж, молодёжь, лёжа, дёшево, надёжа, лепёшка* и др. [Дурново 2000: 168]; с учетом данного факта едва ли можно привязывать начало периода, «когда изменение [е] в [о] перестало быть живым процессом», к отвердению шипящих, т.е. к XIV в. [Иванов 1990: 187].

На наш взгляд, завершение перехода [е] в [о] произошло в силу того, что регрессивная дистантная лабиализация постепенно лишилась основы. Это было обусловлено двумя причинами: 1) к концу XV в. завершилась традиция книжного чтения еров [Успенский 1997: 163–164]; 2) в XV–XVI вв. в Москве распространяется аканье. В аканье же варианте национального языка, который составил основу и московской орфоэпической нормы, и современного русского литературного языка, переход [е] в [о], в отличие от окаящих вариантов, остался единственно возможным: а) только в ударном слоге; б) лишь по аналогии с теми словами, в которых этот переход успел произойти до конца XV в. В современном русском языке замена [е] → [о] происходит под действием аналогии с двумя рядами слов: а) однокоренными: *разноимённый, одноимённый* → *местоимённый, тезоимённый*; *бёдра* → *равнобёдренный*; б) близкозвучными либо одноструктурными: *слёзный, курьёзный, серьёзный, скандалёзный* → *помпёзный; рассёк, испёк, берёг, стерёг* → *убёг*, к этому же ряду отнесем пару *грёб* → диал. *ослёп* (вм. *ослеп*); *тёзка, желёзка, расчёска, обтёска* → *лёска; пулемёт, отлёт, счёт* → *хребёт, атлёт; лётный, счётный, пулемётный* → *бесхребётный; суфлёр, гувернёр, каскадёр* → *гренадёр, карабинёр* и др. Факт существования таких рядов вступает в явный конфликт с мнением, согласно которому «принцип аналогии вообще сомнителен в применении к явлениям фонетического порядка» [Обнорский 1960: 216].

Действие закона аналогии сдерживается в литературном языке:

1. Необходимостью поддержания:

а) стилевых противопоставлений, например *безнадёжный* и устар. высок. *безнадежный*, ср. рифмы: *В томленьях грусти безнадежной, / В тревогах шумной суеты, / Звучал мне долго голос нежный / И снились милые черты* (А. Пушкин. К А. П. Керн); *уединённый* и устар. высок. *уединенный*: *Гляжу ль на дуб уединенный, / Я мыслю: патриарх лесов /*

Переживет мой век забвенный, / Как пережил он век отцов (Он же. Бродя ли я вдоль улиц шумных...);

б) смысловых противопоставлений: *всё* (до реформы 1917 г.: *вств*) и *всё, чём (чьмъ)* и *в чём, небо* и *нёбо, желёзка* и *железка, надёж* (слова) и *падёж* (скота), *фен* ‘прибор для сушки волос’ и *фён* ‘сильный ветер, дующий с гор в долину’, *вселённая* (= мироздание) и *вселённая* (ср. *вселить*), *крестный* (ход) и *крёстный* (отец), *совершенное* (творение) и *совершённое* (преступление), (кричит как) *оглашенный* и *оглашённый* (приказ), *истёкший* (срок) и *истёкший* (кровью), *неоценённый* (друг) и *неоценённый* (товар).

2. Ориентацией носителей литературного языка на произношение [é], поддержанное высоким статусом книжной речи и церковнославянского языка⁹. В XVIII в. в силу того, что *ё* считалось «мужицким», «простонародным» [Шишков 1824: 26 и 27], «образованные люди <...> старались вообще не произносить *е* за *ё* при чтении, т.е. старались читать, как пишется: *идет*, а не *идёт*, *просвещенный*, а не *просвещённый*» [Ушаков 1928: 9], *веселый*, а не *весёлый*, *грёза*, а не *грёза*, *ещё*, а не *ещё*, *полёт*, а не *полёт*, *слезный*, а не *слёзный*, *Гёте*, а не *Гёте* (хотя этот вариант больше соответствует произношению немецкого онима *Goethe*): *Он с лирой странствовал на свете; / Под небом Шиллера и Гёте / Их поэтическим огнем / Душа воспламенилась в нем* (А. Пушкин. Евгений Онегин). Благодаря «буквенному чтению» произношение [é] вм. [о] «стало признаком произношения высокого, ученого» [Винокур 1947: 11]. По этой причине в стихах XVIII – первой половины XIX в. «иногда допускается искусственное произношение *е*» [Чернышев 1970: 69]: *Наш медик в рот больным без счету капли льёт, / Однако от того ни капли пользы нет* (М. Херасков. Эпиграмма); *Чугун кагульский, ты священ / Для русского, для друга славы – / Ты средь торжественных знамен / Упал горящий и кровавый...* (А. Пушкин. Чугун кагульский, ты священ...). Гиперкорректное произношение этого же типа появляется и в наше время: *жернов* вм. *жёрнов*, *издёвка* вм. *издёвка*, *Кёльн* вм. *Кёлън*, *никчемный* вм. *никчёмный*, *одноимённый* вм. *одноимённый*, *разношерстный* вм. *разношёрстный*, *щёлка* вм. *щёлка*.

⁹ Еще Я.К. Грот указал на то, что переход [é] в [о] не затрагивает слова «книжного характера или образования» [Грот 1894: 14–15].

В случае *острие* вм. *остриё* неправильность могла возникнуть и в результате действия грамматической аналогии, ср. *остриё ножа* (им. ед.) и на *острие ножа* (предл. ед.) → неправ. *остриё ножа* (им. ед.). Гиперкорректное прошлое имеют варианты *белесый*, *блэкнуть*, *блэклый*, *блэф*, *желчь*, *маневр* и *маневренный* при *белёсый*, *блэкнуть*, *блэклый*, *блэф* (устар.), *жёлчь*, *манёвр* и *манёвранный* (последние два варианта более соответствуют произношению языка-источника, ср. франц. *manœuvre*). В сферу действия данного процесса были вовлечены ныне устарелые слова *акушёр* (такое написание отвечает произношению франц. *accoucheur*) и *акушёрка*, хотя ударный гласный звук [о] находится здесь между двумя твердыми согласными. Ср.: «**акушор** лекарь, который родильнице вместо повивальной бабки в родинах служит» (Французской целлариус 1782: 673); *Блок вдруг оживился: да, да, акушорка, верно!* (К. Чуковский. Дневник) при совр. *акушер* и *акушёрка*.

Итак, основным сдерживающим фактором для аналогических замен ударного [é] ударным [о] является литературная норма, в частности орфоэпическая традиция книжной речи. Именно поэтому такие замены активизируются в тех формах национального русского языка, которые не входят в сферу действия литературной нормы: 1) в просторечии либо «под влиянием просторечья» [Ушаков 1928: 9]: *афёра*, *оде́жа*, *опёка*, *осёдлый*, *совремённый*, *тверёзый*, *убёг*, *шлём*, ср. также устар. *осе́кся* и ныне лит., а еще в первой половине XX в. прост. *осёкся*; 2) в диалектах: *бёг*, *бесёда*, *бесмёртный*, *влёво*, *воскрёсный*, *вётхий*, *вёшний*, *дёдушка*, *дёржишь*, *дёрзкий*, *зёмский*, *лёв*, *лёс*, *невёста*, *одёнут*, *осённий*, *ослёп*, *перемённый*, *пёрст*, *плёск*, *свирётный*, *слёд*, *смёжный*, *смёртный*, *сплётни*, *телёга*, *трёзвый*, *трёснуть*, *учёбный*, *хрён*, *щёдрый* и др. (подробнее см.: [Обнорский 1960])¹⁰.

Если до введения строгих и последовательных нормативных ограничений в сфере соотношения [é] и [о] «живое произношение одерживало в течение XVIII в. частичные победы над произношением

традиционно-книжным» [Винокур 1959: 358], то позже такие победы становятся все менее вероятны.

ЛИТЕРАТУРА

Блатна Р. Ударное русское *e* и историческое объяснение его современной реализации *e/o* (переход 'e > 'o в русском языке) // *Sbornik praci Filozoficke fakulty Brnenske university: Rada jazykovédna.* — Brno, 1985. — Roč. 34.

Бондарко Л.В., Вербицкая Л.А. Интерференция звуковых систем. — Л., 1987.

Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. — М., 2006.

Брандт Р.Ф. Лекции по исторической грамматике русского языка. — Вып. 1: Фонетика. — М., 1892.

Винокур Г.О. Звук *e* вместо *o* после мягких согласных в рифме // Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. — М., 1959.

Винокур Г.О. О славянизмах в современном русском литературном языке // Русский язык в школе. — 1947. — № 4.

Востоков А.Х. О переходе *e* в *o* // *Борн И.* Краткое руководство к российской словесности. — СПб., 1808.

Горбачевич К.С. Вариантность слова и языковая норма. — Л., 1978.

Горшкова К.В. Из истории русского вокализма. Звуки [e] и [o] // Русское и славянское языкознание. К 70-летию чл.-корр. Академии наук СССР Р.И. Аванесова. — М., 1972.

Горшкова К.В., Хабурзев Г.А. Историческая грамматика русского языка. — М., 1981.

Грот Я.К. Русское правописание. — 11-е изд. — СПб., 1894.

Дурново Н.Н. Избранные работы по истории русского языка. — М., 2000.

Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка. — М., 1990.

Князев С.В. Формирование структуры фонетического слова в русском языке: синхрония и диахрония: автореф. дис. ... докт. филол. наук. — М., 2006.

Колесов В.В. Историческая грамматика русского языка. — М., 2009.

Кудрявцев Ю. Переход [e] в [o] (функциональный и типологический анализ) // Функциональные аспекты грамматики русского языка / ред. М.А. Шелякин. — Тарту, 1985.

Куклин А.Н. Разновидности ассимиляции гласных и согласных в речевом потоке луговых и уральских мари // Вестник Марийск. гос. ун-та. — 2016. — № 1. — Т. 10.

Куруленок А.А. Явление ассимиляции в истории русского переднерядного вокализма (к проблеме перехода <e> в <o>) // Вестник Сургут. гос. пед. ун-та. — 2011. — № 4. — С. 19–24.

¹⁰ Едва ли можно признать неупотребление буквы *ё*, т.е. «воздействие графического облика слова», «основным фактором, тормозящим процесс перехода [э] в [о]» [Горбачевич 1978: 129]: неоднозначность буквы *e* создает одинаковые условия для возникновения как просторечных, так и гиперкорректных вариантов.

Ломоносов М.В. Российская грамматика // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. — М.; Л., 1952. — Т. 7: Труды по филологии 1739—1758 гг.

Мейе А. Общеславянский язык. — М., 1951.

Обнорский С.П. Переход *е* в *о* в современном русском языке // Избранные работы по русскому языку. — М., 1960.

Павлович А.И. Историческая грамматика русского языка. — М., 1977. — Ч. 1.

Поливанов Е.Д. Причины происхождения Umlaut'a // Сборник Туркестанского восточного института в честь проф. А.Э. Шмидта (25-летие его первой лекции 15/28 января 1898—1923 г.). — Ташкент, 1923.

Сидоров В.Н. Из истории звуков русского языка. — М., 1966.

Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. — М., 1907.

Томсон А.И. Общее языковедение. — 2-е изд. — Одесса, 1910.

Трубецкой Н.С. Общеславянский элемент в русской культуре // К проблеме русского самопознания. — Париж, 1927.

Успенский Б.А. Отражение старого книжного произношения еров в позднейшей церковнославянской традиции: церковное чтение // Избранные труды. — М., 1997. — Т. III: Общее и славянское языкознание.

Ушаков Д.Н. Русская орфоэпия и ее задачи // Русская речь / под ред. Л.В. Щербы. — Л., 1928. — Вып. 3.

Французской целлариус, или полезной лексикон. — М., 1782.

Ханнира Э.И. О произношении слова «безупречно» в стихотворении Некрасова «Поэт и гражданин» // Русский язык в школе. — 1961. — № 1.

Чернышев В.И. Избранные труды: в 2 т. — М., 1970. — Т. 1.

Чернышев В.И. Сведения о некоторых говорах Тверского, Клинского и Московского уездов. — СПб., 1903.

Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. — Петроград, 1915.

Шишков А.С. Разговоры о Словесности между двумя лицами Азь и Буки: а) Разговор I. О правописании // Шишков А.С. Собрание сочинений и переводов. — СПб., 1824. — Ч. III.

Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1997—2000 гг.). — М., 2004. — Т. XI.

REFERENCES

Blatna R. Udarnoe russkoe *e* i istoricheskoe ob"jasnenie ego sovremennoj realizacii *e/o* (perehod '*e*' > '*o*' v russkom jazyke) [Stressed Russian "*e*" and the historical explanation of its modern implementation

of *e/o* (transition '*e*' > '*o*' in Russian)]. Sbornik praci Filozofickej fakulty Brnënskej university: Řada jazykovëdna. Brno, 1985, Roč. 34. (In Rus.)

Bondarko L.V., Verbickaja L.A. Interferenci-ja zvukovyh system [Interference of sound systems]. Leningrad, 1987. (In Rus.)

Borkovskij V.I., Kuznecov P.S. Istoricheskaja grammatika russkogo jazyka [Historical grammar of the Russian language]. Moscow, 2006. (In Rus.)

Brandt R.F. Lekcii po istoricheskoj grammatike russkogo jazyka [Lectures on the historical grammar of the Russian language]. Vyp. 1: Fonetika [Issue 1: Phonetics]. Moscow, 1892. (In Rus.)

Vinokur G.O. Zvuk *e* vmesto "o" posle mjagkih soglasnyh v rifme [Sound "*e*" instead of "*o*" after soft consonants in rhyme]. In *Izbrannye raboty po russkomu jazyku* [Selected works on the Russian language]. Moscow, 1959. (In Rus.)

Vinokur G.O. O slavjanizmah v sovremennom russkom literaturnom jazyke [About Slavisms in the modern Russian literary language]. In *Russkij jazyk v shkole* [Russian language at school]. 1947, No. 4. (In Rus.)

Vostokov A.H. O perehode *e* v *o* [On the transition of "*e*" to "*o*"]. Kratкое rukovodstvo k rossijskoj slovesnosti. In *Born I*. [A brief guide to the Russian literature. Ed. I. Born]. Sankt-Petersburg, 1808. (In Rus.)

Gorbachevich K.S. Variantnost' slova i jazykovaja norma [Words variance and language norms]. Leningrad, 1978. (In Rus.)

Gorshkova K.V. Iz istorii russkogo vokalizma. Zvuki [e] i [o] [From the history of Russian vocalism. [e] and [o] sounds]. In *Russkoe i slavjanskoe jazykoznanie. K 70-letiju chl.-korr. Akademii nauk SSSR R.I. Avanesova* [Russian and Slavic Linguistics. To the 70th anniversary of R.I. Avanesov, the Corr. Member of USSR Academy of Sciences]. Moscow, 1972. (In Rus.)

Gorshkova K.V., Haburgaev G.A. Istoricheskaja grammatika russkogo jazyka [Historical grammar of the Russian language]. Moscow, 1981. (In Rus.)

Grot Ja.K. Russkoe pravopisanie. — 11-e izd. [Russian spelling. — 11th ed.]. Sankt-Petersburg, 1894. (In Rus.)

Durnovo N.N. Izbrannye raboty po istorii russkogo jazyka [Selected works on the history of the Russian language]. Moscow, 2000. (In Rus.)

Ivanov V.V. Istoricheskaja grammatika russkogo jazyka [Historical grammar of the Russian language]. Moscow, 1990. (In Rus.)

Knjazev S.V. Formirovanie struktury foneticheskogo slova v russkom jazyke: sinhronija i diahronija: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk [Structure formation of the phonetic word in the Russian language: synchrony and diachrony: Summary of Dissertation of Doctor of Philological Sciences]. Moscow, 2006. (In Rus.)

Kolesov V.V. Istoricheskaja grammatika russkogo jazyka [Historical grammar of the Russian language]. – Moscow, 2009. (In Rus.)

Kudrjavcev Ju. Perehod [e] v [o] (funkcional'nyj i tipologicheskij analiz) [Transition [e] in [o] (functional and typological analysis)]. In *Funkcional'nye aspekty grammatiki russkogo jazyka / red. M.A. Shelyakin* [Functional Aspects of the Russian Language Grammar / Ed. M.A. Shelyakin]. Tartu, 1985. (In Rus.)

Kuklin A.N. Raznovidnosti assimiljacii glasnyh i soglasnyh v rechevom potoke lugovyh i ural'skih mari [Varieties of assimilation of vowels and consonants in the speech flow of Meadow and Ural Mari]. In *Vestnik Marijsk. gos. un-ta* [Bulletin of the Mari State University]. 2016, No. 1 (10). (In Rus.)

Kurulenok A.A. Javlenie assimiljacii v istorii russkogo perednerjadnogo vokalizma (k probleme perehoda <e> v <o>) [The phenomenon of assimilation in the history of Russian front-line vocalism (to the problem of the <e> to <o> transition)]. In *Vestnik Surgut. gos. ped. un-ta* [The Surgut State Pedagogical University Bulletin]. 2011, No. 4, pp. 19–24. (In Rus.)

Lomonosov M.V. Rossijskaja grammatika [Russian grammar]. In *Lomonosov M.V. Polnoe sobranie sochinenij* [Lomonosov M.V. Complete collected writings]. Moscow; Leningrad, 1952. – T. 7: Trudy po filologii 1739–1758 gg. [Vol. 7: Works on philology 1739–1758]. (In Rus.)

Meje A. Obshheslavjanskij jazyk [Common Slavonic language]. Moscow, 1951. (In Rus.)

Obnorskij S.P. Perehod e v o v sovremennom russkom jazyke [Transition of «e» to «o» in the modern Russian language]. In *Izbrannye raboty po russkomu jazyku* [Selected works on the Russian language]. Moscow, 1960. (In Rus.)

Pavlovich A.I. Istoricheskaja grammatika russkogo jazyka [Historical grammar of the Russian language]. Moscow, 1977. – Ch. 1. [Part 1]. (In Rus.)

Polivanov E.D. Prichiny proishozhdenija Umlaut'a [Causes of Umlaut origin]. In *Sbornik Turkestanskogo vostochnogo instituta v chest' prof. A.Je. Shmidta (25-letie ego pervoj lekcii 15/28 janvarja 1898–1923 g.)* [Collection of the Turkestan Eastern Institute in honor of prof. A.E. Schmidt (25th anniversary of his first lecture 15/28 January 1898–1923 g.)]. Tashkent, 1923. (In Rus.)

Sidorov V.N. Iz istorii zvukov russkogo jazyka [From the history of the sounds of the Russian language]. Moscow, 1966. (In Rus.)

Sobolevskij A.I. Lekcii po istorii russkogo jazyka [Lectures on the history of the Russian language]. Moscow, 1907. (In Rus.)

Tomson A.I. Obshee jazykovedenie. – 2-e izd. [General linguistics. – 2nd ed.]. Odessa, 1910. (In Rus.)

Trubeckoj N.S. Obshheslavjanskij jelement v russkoj kul'ture [Common Slavic element in Russian culture]. In *K probleme russkogo samopoznanija* [Trubeckoj N.S. To the problem of Russian self-knowledge]. Parizh, 1927. (In Rus.)

Uspenskij B.A. Otrazhenie starogo knizhnogo proiznoshenija erov v pozdnejshej cerkovnoslavjanskoj tradicii: cerkovnoe chtenie [Reflection of the old book pronunciation of ers in the later Church Slavonic tradition: Church reading]. In *Izbrannye Trudy* [Uspensky B.A. Selected Works]. Moscow, 1997. – T. III: Obshee i slavjanskoe jazykoznanie [Vol. 3: General and Slavic linguistics]. (In Rus.)

Ushakov D.N. Russkaja orfoepija i ee zadachi [Russian orthoepia and its tasks]. In *Russkaja rech' / pod red. L.V. Shherby* [Russian speech / ed. L.V. Scherba]. Leningrad, 1928. – Vyp. 3 [Issue 3]. (In Rus.)

Francuzskoj cellarius, ili poleznoj leksikon [French cellarius, or useful lexicon]. Moscow, 1782. (In Rus.)

Hanpira Je.I. O proiznoshenii slova «bezuprechno» v stihotvorenii Nekrasova «Pojet i grazhdani» [About the pronunciation of the word «flawlessly» in Nekrasov's poem «The Poet and the Citizen»]. In *Russkij jazyk v shkole* [Russian language at school]. 1961, No. 1. (In Rus.)

Chernyshev V.I. Izbrannye trudy: v 2 t. [Selected Works: in 2 vol.]. Moscow, 1970. – T. 1. [Vol. 1] (In Rus.)

Chernyshev V.I. Svedenija o nekotoryh govorah Tverskogo, Klinskogo i Moskovskogo uezdov [Information about some of the dialects of Tver, Klin and Moscow districts]. Sankt-Petersburg, 1903. (In Rus.)

Shahmatov A.A. Oчерk drevnejšego perioda istorii russkogo jazyka [Essay on the most ancient period of the history of the Russian language]. Petrograd, 1915. (In Rus.)

Shishkov A.S. Razgovory o Slovesnosti mezhdum dvumja licami Azъ i Buki: a) Razgovor I. O prapovisaniu [Conversation about Literature between two persons Az and Buki: a) Conversation I. About spelling]. In *Shishkov A.S. Sobranie sochinenij i perevodov* [Shishkov A.S. Collected works and translations]. Sankt-Petersburg, 1824. – Ch. III. [Part 3]. (In Rus.)

Janin V.L., Zaliznjak A.A., Gippius A.A. Novgorodskie gramoty na bereste (Iz raskopok 1997–2000 gg.) [Novgorod manuscripts on birch bark (From the excavations of 1997–2000)]. Moscow, 2004. – T. XI. [Vol. 11]. (In Rus.)